

СМИРЕННЫЙ БУНТАРЬ:
К ВОПРОСУ О МИРОВОЗЗРЕНИИ АРХИЕПИСКОПА АНДРЕЯ
(КНЯЗЯ УХТОМСКОГО)
(Окончание)

АЛЕКСЕЕВ И. Е.

HUMBLE RIOTER: IDEOLOGY
OF ARCHBISHOP ANDREY
(PRINCE UKHTOMSKY) (Ending)

ALEXEYEV I. E.

В статье рассматривается жизненный путь и мировоззрение одного из самых авторитетных представителей Русской православной церкви конца XIX – начала XX вв. епископа Сухумского Андрея (в миру князя А. А. Ухтомского).

The article considers the biographical data and ideology of one of the most recognized Russian Orthodox Church representatives of the late XIX – early XX centuries Bishop of Sukhumi Andrey (secular name Prince Ukhtomsky).

Ключевые слова: епископ Сухумский Андрей, князь Ухтомский, мировоззрение.

Keywords: Bishop of Sukhumi Andrey, Prince Ukhtomsky, ideology.

УДК 271.2:929

**«ЭТО БОЛЬШОЙ ГРЕХ НАС,
РУССКИХ...»**

Миссионерская деятельность епископа Андрея является отдельной темой для изучения, которая ещё ждёт своего добросовестного исследователя. Благодаря его неустанным трудам на ниве инородческого просвещения в Казанской епархии, ставшей в конце XIX – начале XX в. ареной жёсткой религиозной конкуренции православия и ислама, произошла заметная активизация миссионерской деятельности, что имело не только чисто религиозное, но и важное общественно-государственное значение. Ведь, как прощательно подметил 19 сентября 1909 г. в своём письме к тогдашнему обер-прокурору Св. Синода С. М. Лукьянову председатель Совета министров П. А. Столыпин: «Для народа христианского столкновение с мусульманским миром знаменует не религиозную борьбу, а борьбу государственную, культурную. Этим объясняется тот успех, который получила за последнее время панисламская пропаганда, успех, который у нас в России имеет особо важное значение» [1].

Не случайно особой заботой и пастырской опекой епископ Андрей окружил именно «крещёных татар», подвергшихся в начале XX в. наиболее ощутимой миссионерско-прозелитской атаке со стороны «братьев-мусульман». Достаточно сказать, что казанские кряшены и по сей день хранят благодарную память о епископе Андрее, а его портрет помещён в «Фотогалерею» на интернет-сайте «Сетевой этнокультурный проект кряшенского народа» («Kryashen.ru») – рядом с портретами других священников, внёсших заметный вклад в религиозно-нравственное развитие кряшен [2].

По инициативе Андрея, и в первую очередь благодаря его личным усилиям, в Казанской епархии были, по словам архиепископа Казанского и Свияжского Иакова (в миру – И. А. Пятницкого), «основа-

ны и устроены с большими жертвами и трудами» две крещёно-татарские монастырские обители: мужской Трёхсвятительский [3] скит при Казанском Спасо-Преображенском миссионерском монастыре (в Лаишевском уезде), преобразованный в 1911 г. согласно указу Св. Синода в отдельный Трёхсвятительский крещёно-татарский монастырь, и женская Покровская просветительная крещёно-татарская община (в Мамадышском уезде), основанная в марте 1908 г. и официально учреждённая указом Св. Синода в феврале 1911 г. Как отметил в своей речи 17 августа 1911 г. во время прощального чествовании епископа Андрея на общем собрании БСГ тот же архиепископ Иаков: «Это — две самые драгоценные жемчужины в том венце правды, который уготовит и воздаст ему в своё время Господь — Праведный Судия».

В бытность Андрея руководителем БСГ, несмотря на постоянно испытываемые последние материальные трудности и сокращение в связи с этим степени охвата православных инородцев просветительно-миссионерской работой, в деятельности Братства произошёл целый ряд позитивных изменений. В частности, значительно изменилась структура БСГ: в нём были открыты Противораскольническое отделение (1901 г.) и кружок сестёр-сотрудниц (1909 г.), имевшие собственное членство, бюджет и программы. Кроме того, в 1905 г. о. Андрей основал при БСГ Общество христианской взаимопомощи для охранения православных от «иноверной кабалы». При нём с декабря 1909 г. в Казани кружком сестёр-сотрудниц БСГ начал издаваться миссионерский журнал «Сотрудник Братства Святытеля Гурия», редактором (а затем — редактором-издателем) которого владыка являлся до конца 1911 г., числясь таковым даже после своего оставления Казани.

Позднее он как-то признал, что почти всю свою жизнь «отдал только инородцам, зная, что русские имеют и без меня много попечителей». Однако это утверждение можно правильно оценить лишь в том случае, если учесть, что для епископа Андрея понятие «христианизация инородцев» (в смысле их обращения и укрепления в православии) было практически тождественно понятию «обрусение». В этом отношении он полностью разделял миссионерские взгляды Н. И. Ильминского, утверждавшего: «Коль скоро инородец усвоил

себе православие сознательно и убеждённо, умом и сердцем, он уже обрусел».

Руководствуясь библейским принципом, гласящим, что для веры христовой «несть ни елина, ни иудея», он не делал «качественных» различий между православными русскими и православными инородцами [4] и крайне болезненно реагировал на обвинения в национализме и русификаторстве, то и дело звучащие в его адрес «слева» и от представителей иностранных конфессий. Впоследствии он открыто выразил своё возмущение тем, что его пытались «причислить к националистам в немецком понимании этого слова», т. е. обвинить «в отталкивании кого-нибудь от себя», заявляя, что он ненавидит национализм «как безнравственное учение». При этом последнему он противопоставлял опять же учение славянофилов. «Славянофилы для меня тем и велики, — объяснял Андрей, — что всё их учение основано на любви, на христианской любви ко всем; только поэтому я и считаю себя славянофилом» [5].

В этом же ключе он мыслил и обрусение инородцев — как процесс добровольного миссионерско-просветительного, через посредство родного языка и патриотического воспитания в духе любви к своей «малой» (деревне, городу, краю) и «большой» (России в целом) родине, восхождения к православному мироощущению и приобщения к лучшим образцам православной культуры, главным носителем и хранителем которых, несмотря на все свои известные недостатки, по-прежнему являлся русский народ. Следуя данной логике, сознательно приобщаясь к православии, инородцы наиболее тесным образом сближались с русскими, т. е., собственно говоря, «русели».

Епископ Андрей искренне считал, что именно этих принципов должны придерживаться люди, называющие себя «истинно русскими» и начертывшими на своих знамёнах лозунг «Православие, Самодержавие, Народность». Однако вскоре он убедился в том, что таковых людей в право-монархическом движении не столь уж и много. Многие черносотенцы, как оказалось, являлись сторонниками того самого «немецкого» понимания национализма, который всегда претил епископу Андрею. И если у кого-то из них такой «немецкий» национализм «выпирал наружу», он был бескомпромиссен в своей критике в адрес этого человека, так как считал его пози-

цию чуждой русской православной традиции и идеалам славянофильства. Однако никогда выступления владыки в защиту православных инородцев не приобретали русофобского оттенка, ибо, несмотря на все назидательно-поучительные высказывания в адрес русских людей, не понимающих, по мнению епископа Андрея, многих непреложных истин, эталонным носителем православного благочестия для него всегда оставался тот же самый русский народ, сохранявший в недрах своих, хоть и порядком затоптанные им же, но ещё живые и могущие воспрянуть к новой духовной жизни ростки истинной веры.

Не случайно поэтому, что именно по части отношения к национализму и постановки миссионерской деятельности из уст епископа Андрея прозвучало больше всего нелицеприятной критики и замечаний в адрес черносотенцев. При этом, постепенно накапливаясь, они в конце концов воздвигли между ним и «крайне правыми» высокую стену непонимания, которой владыка в предвоенные годы практически отгородился от несогласных с его мнением по «инородческому вопросу» черносотенцев.

Как говорилось выше, ещё в 1906 г. архимандрит Андрей открыто выступил с категорическими возражениями против девиза «Россия для русских!», назвав его «грешным», «эгоистически безнравственным», «ложным», «нерусским». «Славянофилы, — утверждал он, — отстаивавшие святую Русь, говорили: “русские для России”, — это понятно; но наоборот говорят только... недалёковидные и неосторожные русские партийные политические дельцы. Это — знамя партии, но не России!». Он считал, что, выдвигая этот девиз, «русские монархические партии» достигают «прямо противоположных результатов, чем то, к чему они стремятся», а также «окончательно дискредитируют нравственные основы русского самодержавия». Архимандрит Андрей предлагал правым монархистам отказаться от девиза «Россия для русских!» в пользу девиза «Святая Русь на службе миру», который призван был не отталкивать, а располагать инородцев к русскому народу, вовлекая их своим примером в «приходские народные организации». «И славянские ручьи, — мечтал он, — польются в русское море! И инородческие потоки и струи жизни будут идти не только параллельно с русской рекою и не только не будут отвлекать её силу и её ис-

сушать, как это теперь наблюдается, а действительно поспешат потонуть в русском море: это для них будет самое лучшее...».

В ответ на это представители КО РС заявили: «Девиз русских людей “Россия для русских” нисколько не противоречит девизу, провозглашённому от. Андреем: “Святая Русь на службе миру”. Этот вывод казанские эрэсовцы достаточно резонно аргументировали тем, что: «Русь Святая до тех пор и может быть Святой и на службе миру, пока она остаётся Русскою, т. е. пока господином в ней будет коренной русский народ — строитель и собиратель России, а не покорённые им народы и народцы, и пришельцы в нашей земле. Только “Россия для русских”, крепко в единении стоящая и высоко держащая своё национальное знамя, способна осуществить и высокую всемирную миссию, как её понимают славянофилы и все истинно-русские люди — просветить все народы Востока и Запада светом Христова учения и привести их в Единое стадо под Единую главою Христом». Однако архимандрит Андрей и на это заметил: «Если это знамя “русского собрания” не противоречит моему: “Святая Русь на службе миру», то оно, несомненно, сформулировано неудачно и мои возражения на него остаются в полной силе».

Через два года — в 1908 г. — в своей статье «Православные инородцы и “Союз Русского Народа”», помещённой в газете «Московские Ведомости», епископ Андрей дал резкую отповедь протоиерею А. Миропольскому, заявившему на страницах «Деятели», что «система Н. И. Ильминского» является причиной многочисленных «отпадений» в ислам. Согласно его утверждению все нападки на таковую были абсурдны хотя бы уже потому, что она «никогда в существе дела в полном объёме и не применялась и даже не применяется и до сих пор». Причинами же названных «отпадений», по мнению епископа Андрея, стали «ошибки русских администраторов», пьянство, мздоимство священников и незнание ими инородческих языков.

Осудив действия тех черносотенцев, что отталкивают от себя инородцев, он заметил: «Лучших христиан и лучших друзей русской гражданственности, чем большинство тех инородцев, которых я знаю, — трудно найти среди самих русских! Я уже неоднократно писал, что многие крещёные татары, где их менее, чем магометан, оказываются истинными мучениками за

Христа! Им нужно помочь, их нужно от всей души пожалеть, а не отталкивать от себя, не обижать их вечным напоминанием, — вы-де «инородцы», благодарите Бога, что мы вас терпим около себя, но вы к нам — всё-таки ни ногой! А эти православные инородцы ведь без всякого преувеличения знают только Бога на небе да Царя православного на земле... И не понимают они, как это случилось, что у русских людей, которые написали на своём знамени: «Православие, Самодержавие, Народность», как они, православные, оказались не только забыты, но и в большой обиде».

Заявляя, что «это большой грех нас, русских», епископ Андрей призвал СРН «прийти на помощь православной миссии в духе святой христианской любви, возлюбив несчастных во Христе братьев наших и помочь им в их тяжёлой участи». «Ведь как в Палестине, — сравнивал он, — забытые инославными миссионерами православные арабы, так и у нас в России несколько десятков тысяч православных татар являются маленьким окном в громадный и сильный во всех отношениях мир ислама. Это окно мы, русские люди, по своей небрежности много уже позакрыли, но оно ещё остаётся».

В том же 1908 г. в Казани была издана датированная 14 января того же года записка епископа Андрея «О мерах по охранению Казанского края от постепенного завоевания его татарами», в которой сообщалось об усилении исламского миссионерства среди православных инородцев и происходящего от этого процесса их татаризации, а также указывалось на необходимость принятия срочных мер по ослаблению панисламистской пропаганды. Записка эта получила заметный резонанс на самых «верхах» и была направлена председателем Совета министров П. А. Столыпиным министру народного просвещения А. Н. Шварцу и обер-прокурору Св. Синода П. П. Извольскому. Позднее — 19 сентября 1909 г. — П. А. Столыпин указал, в частности, в письме новому обер-прокурору Св. Синода С. М. Лукьянову: «Предположив, предварительно принятия каких-либо конкретных мер, всесторонне обсудить и сообразить все дела нашего культурного труда в Поволжье в особом совещании, в составе нарочито осведомлённых с местными условиями лиц, я признаю безусловно необходимым приобщить к имеющим быть суждениям и

представителей Православной церкви. В среде наших иерархов особо полезными для этого дела намечаются сами собою местные деятели: преосвященный Андрей, викарий епископа Казанского, уже положивший свой труд в качестве руководителя братства Св.[ятителя] Гурия в деле поместного миссионерства, и преосвященный Алексей [6], ректор Казанской Духовной академии, небезызвестный своею деятельностью миссионер на Юге России» [7].

В начале 1910 г. было созвано «Особое Совещание по выработке мер для противодействия усилению татарско-магометанского влияния в Казанском крае» (по другим документам — «Особое Совещание для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае») [8] под председательством директора Департамента духовных дел А. Н. Харузина, в состав которого, помимо прочих, указом Св. Синода, были включены викарии Казанской епархии епископ Чистопольский Алексей (в миру — А. Я. Дородницын) и епископ Мамадышский Андрей (в миру — князь А. А. Ухтомский). При этом решения, принятые на данном совещании, наглядно свидетельствовали об успехе сторонников миссионерского курса Н. И. Ильминского. Однако критика последнего со стороны представителей местных черносотенных организаций на этом не прекратилась.

В 1910 г. епископ Андрей вступил в бескомпромиссную полемику с противниками системы инородческого просвещения Н. И. Ильминского, главным обличителем которой в Казани стал председатель Совета «Царско-Народного Русского Общества» (ЦНРО) профессор В. Ф. Залеский. К тому же ситуация осложнялась тем, что того же В. Ф. Залеского, по иронии судьбы, можно было считать, пожалуй, наиболее «нестандартно мыслящим» в инородческом вопросе черносотенным лидером (причём не только в Казани, но, возможно, и в целом в России). Именно он являлся инициатором и куратором создания в конце 1908 г. в Казанской губернии уникального в своём роде черносотенного «Царско-Народного Мусульманского Общества», целиком состоявшего из татар-мусульман [9], и активным пропагандистом идей панславизма, ради торжества которых В. Ф. Залеский даже предлагал восстановить независимость Польши (с одновременным переселением всех поляков за пределы Российской империи). Од-

нако одновременно с этим он ратовал за отмену системы Н. И. Ильминского, не отвечающей, на его взгляд, истинным целям и задачам политики русификации православных инородцев в «школьном вопросе».

При этом наибольшего размаха критика им системы Н. И. Ильминского приобрела в преддверии собиравшегося в июне 1910 г. в Казани Миссионерского съезда. Выступивший в качестве основного борца с адептами системы Н. И. Ильминского профессор В. Ф. Залеский превратил критику своих оппонентов в затяжную газетную баталию. Главный удар по ним лидер ЦНРО нанёс в день открытия Миссионерского съезда — 13 июня 1910 г., поместив в газете «Казанский Телеграф» статью с продолжением под названием «Система Ильминского». В дальнейшем он превратил её в 19-страничный «Доклад о ненормальности постановки инородческого образования в Казанской губернии», который вынес на обсуждение Казанского дворянского губернского собрания. «Правильная по основной идее система эта, — заявлял в нём, в частности, В. Ф. Залеский, — отчасти самим [Н. И.] Ильминским, а главным образом его преемниками, искажена до такой степени, что вместо пользы приносит вред и вместо ожидаемого обрушения инородцев — укрепляет инородческий сепаратизм».

«Коренную», «самую грубую», «самую тяжкую» ошибку Н. И. Ильминского лидер ЦНРО усматривал в том, что он и его последователи «вместо того, чтобы возвысить инородцев до православно-русской цивилизации, цивилизацию эту принизили до уровня невысокого инородческого развития», а «русско-православное образование» подменили «воспитанием православно-инородческим». Особенно сильно в этой связи миссионерам «попало» за приоритетное преподавание и выпуск общеобразовательных и литературно-художественных книг на местных языках, «инородческое засилье» в Казанской инородческой семинарии и тому подобные «преступления» против русской государственности. В качестве мер по «исправлению» ситуации лидер ЦНРО предлагал, в частности, постепенно перевести богослужение на церковно-славянский язык и не назначать инородцев учителями в инородческие школы и священнослужителями в инородческие приходы.

То, что В. Ф. Залеский явно «переборщил» со своими обвинениями и предложениями, оказалось очевидным даже для большинства тех миссионеров, что стояли на право-монархических позициях. Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие участники Миссионерского съезда, на деле знакомые с истинным положением вещей, отнеслись к подобным предложениям с нескрываемым неприятием. Съезд признал необходимость вновь оживить миссионерскую деятельность, но при этом отверг крайние подходы к её осуществлению, фактически поддержав заявление епископа Андрея о том, что только школа Н. И. Ильминского «может бороться с наступательным движением ислама». Заметную роль в борьбе с нападками В. Ф. Залеского на систему Н. И. Ильминского сыграл и сам архиепископ Казанский и Свияжский Никанор (в миру — Н. Т. Каменский), позиция которого по данному вопросу выразилась, по словам современного казанского историка Е. В. Липакова, «в своеобразной “демонстрации протеста” в виде крестного хода на могилу Н. И. Ильминского и клятвы верности его системе».

Однако не удовлетворившись итогами Миссионерского съезда, лидер ЦНРО решил добиться своей цели иным путём. 14—15 января 1911 г. Казанское губернское собрание дворянства, заслушав и обсудив доклад В. Ф. Залеского, постановило, кроме прочего, уполномочить Предводителя дворянства Казанской губернии С. С. Толстого—Милославского представить на рассмотрение императора Николая II высказанные «соображения по вопросу о постановке инородческого образования». Выступление председателя Совета ЦНРО наделало довольно много шума в дворянских, чиновничьих и церковных кругах. Многие предложения профессора В. Ф. Залеского нашли, к примеру, поддержку у таких влиятельных лиц, как князя А. А. Крапоткин (правый октябрист) и П. Л. Ухтомский; против них, кроме епископа Андрея, выступили член Совета министра народного просвещения России Н. А. Бобровников, Казанский уездный Предводитель дворянства, член Государственной думы А. Н. Боратынский (тоже известный октябрист), попечитель Казанского учебного округа А. Н. Деревицкий и др. Будучи убеждёнными сторонниками постепенной и ненасильственной христианизации, последние обвинили В. Ф. Залеского в «извращении» истины и разжигании межплеменной розни.

Незамедлительным ответом на обвинения со стороны черносотенного лидера стала статья епископа Андрея под названием «Крупная новость в деле инородческого просвещения», помещённая в феврале 1911 г. на страницах редактируемого им же журнала «Сотрудник Братства Святителя Гурия». Справедливо полагая, что, пытаясь запретить богослужение на инородческих языках и предлагая назначать в инородческие приходы и школы исключительно русских священников и учителей, «крайне правые» лишь оттолкнут от русского народа в целом лояльных к нему православных инородцев, он блестяще парировал все обвинения системы Н. И. Ильминского в несостоятельности. Поставленные под большое сомнение основные положения и выводы доклада В. Ф. Залеского, которые, по слухам, в непроверенном виде уже дошли до императора Николая II, вызвали заметный чиновничий переполох, в результате чего дело постепенно начали «спускать на тормозах».

В конце концов многострадальную систему Н. И. Ильминского всё же оставили в покое, однако опосредованное влияние на политику властей кампания против неё всё же оказала. Одним из его проявлений можно считать издание 14 июня 1913 г. «Правил о начальных училищах для инородцев», предписывавших, кроме прочего, начинать обучение в них русскому языку не позднее третьего месяца первого года преподавания, что само по себе являлось весьма приемлемой мерой.

Что же касается епископа Андрея, то многолетние споры с представителями право-монархических организаций по «инородческому вопросу» явно охладили их взаимоотношения. Владыка стал более резок в высказываниях относительно деятельности черносотенцев и постепенно дистанцировался от них, но по-прежнему продолжал принимать активное участие в их общественно-церковных, благотворительных и просветительных делах, не отталкивая от себя тех «крайне правых», которых считал своими единомышленниками и соратниками.

«НИКТО НЕ ОБЪЯСНИЛ МНЕ, ЗА ЧТО МЕНЯ ОТОРВАЛИ ОТ МОЕЙ ДУХОВНОЙ СЕМЬИ»

25 июля 1911 г. император Николай II утвердил доклад Св. Синода «о бытии Преосвященному Андрею, Епископу Мамадышскому, третьему викарию Казан-

ской епархии, Епископом Сухумским», о чём синодальным указом от 29 июля того же года — с соответствующими указаниями — было доведено до сведения архиепископа Казанского и Свияжского Иакова (в миру — И. А. Пятницкого).

Для многих в Казани, в том числе и самого о. Андрея, известие о переводе в Абхазию оказалось крайне неожиданным и абсолютно не обоснованным. Сам владыка склонен был даже усматривать в этом происки неких «тайных сил», однако не конкретизировал, что это за силы. Действительно, «скоропостижный» перевод епископа Андрея на Кавказ в самый разгар развёрнутых, но далеко ещё не доведённых им до успешного завершения многочисленных миссионерских начинаний выглядел, по крайней мере, нелогично и наносил ощутимый удар по заметно оживившейся при нём православной миссии в весьма неблагоприятной в данном отношении Казанской епархии.

В своей ответной речи 17 августа 1911 г. во время прощального чествования на общем собрании БСГ епископ Андрей, в частности, сказал: «По попущению Божию, вследствие влияния каких-то тайных сил, я принуждён покинуть моё любимое дело и дорогое для меня Братство Святителя Гурия. Я принуждён покинуть ту любящую своего духовного отца семью, которая около меня, за 12 лет моей жизни в Казани, образовалась. Я принуждён оставить в Казани беспомощными многих сирот в буквальном и переносном смысле этого слова. Прошу прощения за это бессердечие моё, но моей вины в этом обстоятельстве нет нисколько. Я только из газет узнал о своём удалении из Казани, и никто не объяснил мне, за что меня оторвали от моей духовной семьи. Если я здесь работал с пользой для дела, — почему я должен его покинуть, — ведь здесь так мало законченного, а только всё начато. А если я был здесь вреден, зачем дают мне ещё большее дело, может быть, для меня непосильное?». Первоначально епископ Андрей, по его же признанию, хотел даже отказать от нового назначения и уйти в свой «любимый Трёхсвятительский монастырь», но расценив, что это «дало бы только лишний повод к грешным мыслям и словам», решил исполнить пастырский долг послушания.

Один из августовских номеров «Сотрудника Братства Святителя Гурия» за 1911 г. открывался коротким сообщением

«От редактора» следующего содержания: «Дорогие читатели! Изучив Казанский Край, быт крещёных татар, вотяков, черемис, чуваш; отдав служению приволжских инородцев все свои силы, — я оказался переведённым в Сухум — просвещать Абхазию!

Простите, братие! — Желаю вам успехов в ваших трудах. Желаю, чтобы вам не было так больно, как мне».

Понимая, что перевод епископа Андрея в Сухум практически обезглавит местную миссию, православная Казань и вся епархия (и в особенности — инородческие приходы) с огромным трудом и нескрываемым, ропщущим беспокойством отпускали его от себя. Достаточно сказать, что сразу после получения известия об этом в православных инородческих приходах начался сбор подписей под прошениями об оставлении владыки в Казани. В одном из них — на имя архиепископа Казанского и Свяяжского Иакова, под которым поставили подписи прихожане восьми сёл во главе со своими священниками, а также ещё трое сельских батюшек и один псаломщик, говорилось: «Ваше Высокопреосвященство, уведомились мы, что епископ Андрей уходит из Казани, опечалились мы и решили просить Вас, нашего Архиепископа, ходатайствовать пред Батюшкой Государем о том, чтобы епископа Андрея оставили в Казани, ведь без него мусульмане и язычники, с которыми мы живём, опять начнут притеснять наших православных крещёных татар и вотяков и сманивать [их] в свою веру» [10].

Напротив, реакция «конкурирующей стороны» на новое назначение епископа Андрея оказалась весьма оптимистичной. Как заметил по этому поводу архиепископ Иаков, епископ Андрей «положил немало хлопот и трудов» к тому, чтобы «противодействовать влиянию на православное население магометан, равно как и раскольников и сектантов». «Весьма веское свидетельство об этом, — подчёркивал он, — можно видеть в том настроении, какое со всею ясностью проявилось у магометан и других противников Церкви Христовой при получении известия о переводе Преосвященного Андрея из Казани в Сухум. Они не скрывают своей радости ввиду этого события».

Следует признать, что оптимизм противников православной миссии в Казанской епархии в известной мере оправдался: после отъезда епископа Андрея, произошедшего 29 августа 1911 г., равноценной замены ему здесь так и не нашлось. Ранее сосредото-

вавшиеся в одних архиерейских руках миссионерские и общественно-церковные функции в том же августе были распределены между пятью лицами, что отнюдь не способствовало их столь же эффективному, как при епископе Андрее, исполнению.

Сам отъезд владыки из Казани, последовавший после совершённой им в Казанском Спасо-Преображенском монастыре литургии, судя по описанию «Известий по Казанской епархии», представлял собой прямотаки душераздирающее зрелище. «Несмотря на то, что литургия началась ранее обыкновенного, — сообщалось, в частности, в этом журнале, — просторный храм не мог вместить всех, желавших помолиться с Владыкой. В храме чувствовалось печальное настроение, с чем прекрасно гармонировало стройное, но торжественно-печальное пение спасского хора. Проповедь Владыки, произнесённая здесь, очень часто прерывалась плачем богомольцев, так что Владыке стоило большого труда довести её до конца. Кончилось богослужение, а богомольцы не думали ещё уходить из храма. В то же время двор Спасского монастыря был полон народа, ждавшего выхода Владыки. Многие знали, что Епископ Андрей в этот день должен отбыть из Казани, но никто точно не мог сказать, в каком часу и на каком пароходе. Густая толпа народа не давала Владыке возможности пройти к карете: кто спешил получить его благословение, кто в последний раз увидеть лицо любимого Владыки. Стоило больших усилий Владыке пройти до кареты, ещё больших — уехать: многие руки держали колёса её и не давали ей двинуться. Стояли плач, стон и вопль мног...».

Подобная же история повторилась и на паровой пристани, которая «переполнилась до такой степени, что только усилия полиции помогли Владыке попасть на пароход». «Когда пароход, — сообщалось в «Известиях...», — отходил от пристани, поднялся такой плач провожавших, что только каменные сердца могли удержаться от слёз. По лицу самого Владыки струились слёзы...».

«В ТРИ ДНЯ ПРОСТО СЛУЧИЛОСЬ УМОПОМРАЧИТЕЛЬНОЕ»

В Сухумской епархии епископ Андрей с привычным ему усердием продолжил миссионерскую деятельность. За короткий срок своего пребывания в Абхазии успел проявить себя в деле христианизации местных народов, а также выступить с прось-

бой к властям о недопущении мусульманских мулл в среду абхазов с целью предотвращения их исламизации и отуречивания (которая, однако, так и не была удовлетворена). Одновременно с этим владыка попытался на культурно-исторической почве примирить абхазов с грузинами (между которыми и тогда существовали заметные трения), а также возродил местную церковно-археологическую комиссию. Здесь же с января 1912 г. начал издаваться основанный епископом Андреем первый в Сухумской епархии печатный церковно-миссионерский журнал «Сотрудник Закавказской миссии».

«После епископа Гавриила [11] и перевода [В. А.] Геймана из Сухумского округа, — говорилось, в частности, в изданном в 1913 г. «Путеводителе по городу Сухуму и Сухумскому Округу с историко-этнографическим очерком», — христианство поколебалось и магометанское учение стало пускать свои корни в Абхазии, но есть полная надежда, что новый Сухумский епископ Андрей, при своей энергии и неустанном труде, даст христианству по-прежнему своё первенствующее место. Разъезды по епархии, частые проповеди, знакомство с нравами и обычаями вверенной ему паствы, общая симпатия, которую он так скоро завоевал себе, неутомимая энергия и апостольский образ жизни, а также издание особенного специального духовного журнала «Сотрудник» — первого печатного органа за всё время существования епархии — обязательно привлекут к нему сердца мирян. При этом надо отметить, что достопочтенный архипастырь энергично взялся за восстановление древних памятников христианства. Надо только, чтобы высшая духовная власть помогла ему в развитии церковно-приходских школ. Коли безграмотные турецкие вероучители сумели завоевать расположение тёмного люда, то подготовленные миссионеры, относясь к делу с любовью и усердием, могут ещё больше завоевать себе такое расположение, имея во главе не канцеляриста, не карьериста, а поклонника живого дела» [12].

Очевидно, что епископ Андрей и здесь — на Кавказе — оставался полностью верен своему миссионерскому долгу. «Отрадно, — сообщалось в том же «Путеводителе», — что епископ Андрей знакомится с самыми заброшенными уголками своей епархии. Его посещение Бедийского храма останется навсегда памятным в жизнь на-

селения. Его проповеди, его задушевную речь слушала 10-тысячная толпа.

А недавнее его посещение Псхувского перевала, где приютилось до 50 домов христиан, разве не вызывает общее удивление? Преосвященный проник туда с одним провожатым, сделав по самым трудным тропам, в течение двух суток 80 вёрст».

Вместе с тем за два с небольшим года своего пребывания в Сухуме епископ Андрей привычными для себя критичными высказываниями относительно тогдашнего состояния церкви и неосознанной в полной мере ответственности верховной власти за происходящие в общественно-церковной жизни негативные процессы оставил у некоторых новых знакомых весьма неоднозначные впечатления о себе. Так, например, знаменитый монархист князь Н. Д. Жевахов в оставленных им воспоминаниях назвал епископа Андрея человеком «путаным» и известным «своими антимонархическими взглядами», что, впрочем, могло быть навеяно не только «нестандартными» высказываниями самого владыки, но и распространявшимися о нём среди недоброжелателей слухами. А тех, кому его нелестные замечания были не по душе, предостаточно имелось и в местах служения владыки, и в столице Российской империи.

Не продержав на Сухумской кафедре епископа Андрея и двух с половиной лет, 22 декабря 1913 г. Св. Синод назначает его епископом Уфимским и Мензелинским (позднее — уже в советское время — он был также возведён в сан архиепископа). Но этот новый перевод вряд ли являлся для него столь же болезненным, как перевод из Казани в Сухум. Учитывая, что общая религиозная ситуация в Уфимской губернии немногим отличалась от таковой в хорошо знакомой ему Казанской губернии, можно утверждать, что владыка вернулся «домой».

Служа в Уфимской губернии, он продолжил свою активную общественную и миссионерскую деятельность, которая в отличие от казанского и сухумского периодов его служения достаточно подробно описана в отечественной исторической литературе. Самое начало нового — уфимского — периода его жизнедеятельности оказалось достаточно спокойным, однако дальнейшие повороты истории, закружившие Россию в вихре «германской» войны и кровопролитного гражданского

противостояния, наполнили её достаточно неожиданным и противоречивым содержанием.

В 1915 г. епископ Андрей вместе с А. Н. Деревницким и М. А. Миропиевым, выступил инициатором создания в Уфе известного «Восточно-Русского Культурно-Просветительного Общества» (ВРКПО), деятельность которого, а также роль в ней владыки хорошо раскрыты в статьях современных уфимских исследователей Н. П. Зиминой и К. В. Максимова [13], не требующих дополнительного пересказа. Как и следовало ожидать, новое общество, учредительное собрание которого состоялось 2 февраля 1916 г., стало придерживаться в своей деятельности славянофильского направления. Что же касается епископа Андрея, то он вскоре был избран почётным председателем его Совета. Согласно уставу целью ВРКПО являлось «содействие развитию духовных и материальных сил русской народности в восточной части России», а одними из основных задач — укрепление среди местного русского и инородческого населения «исконных русских начал преданности Церкви, Царю и Отечеству», а также сближение инородцев с русскими «на почве взаимного уважения и приобщения к русской образованности и гражданственности». В связи с этим и учитывая факт вхождения в Совет ВРКПО некоторых известных уфимских правых монархистов, можно предположить, что епископ Андрей решил воплотить в этом обществе свои идеальные «казанские» представления о том, какими на самом деле должны быть славянофильские русские патриотические организации — без опасных крайностей и «политической партийности», а также едиными в мыслях и поступках с ведомыми ими православными инородцами.

С 1916 по 1918 г. ВРКПО издавало под руководством епископа Андрея свой журнал «Заволжский Летописец». Кроме того, в те же годы общество выпускало в Уфе первую газету для крещёных татар «Дус» («Друг»), печатавшуюся на «кряшенском» языке (своеобразный диалект татарского) алфавитом Н. И. Ильминского (кириллическим шрифтом), которую выписывали и мусульмане. Весьма странно в связи с последним обстоятельством выглядит, кстати сказать, «заключение» одного из нынешних казанских «татароведов» Р. У. Амирханова о том, что «Дус», вкуче с издававшейся в Вятке газетой «Сутыш ха-

барлярэ» («Военные вести»), выходящим в Париже на русском языке журналом «Мусульманин» и петербургской газетой «В мире мусульманства», «ничего общего с татарской национальной прессой не имели». «Достаточно напомнить, — приводит он в подтверждение этого вывода “убойный” аргумент, — что издателем газеты «Дус» являлось «Восточно-русское миссионерское общество» [14]. Видимо, по мнению Р. У. Амирханова, под определение «татарской национальной прессы» уже по самому определению не могут подпадать православные и неопозиционные издания. «Крещёные татары» же, судя по всему, как часть татарского народа, им в расчёт и вовсе не берутся (хотя, конечно, современных кряшен подобное логическое заключение вряд ли способно сильно расстроить).

Несомненно, пастырская, миссионерская и общественная деятельность епископа Андрея в Уфе не ограничивалась лишь упомянутыми выше эпизодами, а была ещё более насыщенной и многогранной. Но это уже является темой отдельного повествования.

Нескрываемое воодушевление епископ Андрей испытал в связи с известием о вступлении России в войну с Германией и её союзниками, искренне считая, что русская армия выполняет в ней освободительную миссию. Как истинный славянофил с огромной радостью воспринял он весть: «Наш Верховный Главнокомандующий, Великий Князь Николай Николаевич уже сказал великое слово братской любви братьям полякам». В своей брошюре «Исполнение славянофильских предсказаний», изданной в 1914 г. в Уфе, епископ Андрей торжествовал: «Сбывается пророчество славянофилов: “Орлы Славянские взлетают”... Начинается новая страница всемирной истории; полное освобождение славян, эпоха их самостоятельного политического бытия, полное нравственное торжество России в международной политике...

Остаётся теперь пожелать и ждать на Руси торжества церковных начал, отрезвления русского народа, свободного голоса Церкви в церковных делах и прекращения партийной брани». Но надеждам этим, как известно, не суждено было сбыться.

К тому же, многие речи и статьи владыки уфимского периода его служения свидетельствуют о том, что в последние предреволюционные годы и непосредственно

во время февральско-мартовских событий 1917 г. епископ Андрей, считавший главным предназначением Царствующего Дома Романовых защиту и прославление православия, испытал сильное разочарование в его представителях, не сумевших предотвратить скатывание к социальной и духовной катастрофе. Осознавая, что кризис власти в России приобретает угрожающие масштабы, он в числе немногих авторитетных иерархов РПЦ выступил против Г. Е. Распутина, в личности которого усматривал разрушительное начало, предупреждая императора Николая II о том, что его влияние может возыметь самые трагические последствия.

Духовный максимализм епископа Андрея тех лет в полной мере воплотился в его высказывании 1914 г.: «Славянофилы и признавали государственность лишь как защиту Божией правды от всякой земной неправды». Также, безусловно, считал и сам владыка, для которого понятия «самодержавие» и «монархия» имели смысл лишь при обязательном условии соблюдения ими своих святых обязанностей по защите «Божией правды от всякой земной неправды». Однако, по мнению епископа Андрея, императорская власть с таковой задачей справлялась к этому времени всё хуже и хуже. Явно не сбывались и ожидания владыки, связанные с освободительной миссией русской армии.

Несмотря на это, представлять епископа Андрея в образе либеральствующего «буревестника революции» — дело весьма неблагоприятное. Крушение монархии он расценил как огромную трагедию, но трагедию закономерную, ставшую следствием вековых отступлений от традиционных принципов русского миропорядка.

«Все иллюзии, которыми жили люди ещё недавно, — цитировал 22 марта 1917 г. “Голос Казани” его слова из статьи, помещённой в одной из центральных газет, — все они разлетелись в прах; всё то, чем жили отцы и деды наши, все идеи, которым они служили с таким иногда самопожертвованием, весь тот строй русской жизни, которым жила Россия двести лет, вдруг разлетелся, как карточный домик, в три дня просто случилось умопомрачительное! Нечто совсем невероятное ещё неделю тому назад сделалось действительностью».

По мнению епископа Андрея, в «той трагической катастрофе, которая постигла только что отошедший в область истории режим», оказался повинен он сам, ибо до-

пустил вырождение самодержавия. «Моё мнение таково: — продолжал он, — это случилось потому, что режим этот был в последнее время беспринципный, грешный, безнравственный. Самодержавие русских царей выродилось сначала в самовластие, а потом в явное своевластие, превосходившее все вероятия. Против этого восстали в своё время те прекрасные, чистейшие в нравственном отношении философы-христиане, которые известны под именем славянофилов. Они напоминали русским царям, что их самодержавие есть либеральнейшая власть, не мыслимая без гарантии личности, без свободы вероисповедания и свободы слова. Но замкнутые самомнением уши остались глухи для слушания хороших слов. Всё оставалось по-старому, и вместо того, чтобы заботиться о совести (православии), заботились только о грубой силе (самодержавии)».

Оценив в одном из своих обращений к уфимской пастве действия великого князя Михаила Александровича как «благоразумный, прекрасный поступок», он заметил: «Этот шаг его — предоставление народу права его переизбрать — его исторический подвиг и великая его заслуга». Будучи убеждённым сторонником славянофильской православно-монархической традиции, епископ Андрей воспринял поступки отрёкшегося от престола императора Николая II и его брата как осмысленное и ответственное проявление воли верховных правителей, наделённых властью самим Богом. «Как ко всему этому может и должна относиться всякая верующая христианская душа? — вопрошал епископ Андрей и сам же отвечал на этот вопрос. — Я знаю, что совесть многих смущена, что многие души ждут ясных указаний того, в праве ли они отречься от прежнего строя. Не изменят ли они “присяге”, признав новое правительство Государственной Думы. По этому поводу для успокоения смущённых совестей и я хочу сказать несколько слов.

Прежде всего, должен сказать, что ни о какой “присяге” не может быть речи. Отречение от престола императора Николая II освобождает его бывших подданных от присяги ему». В одной из своих статей он выразился ещё более резко, заявив, что «рухнула власть, отвернувшаяся от Церкви» и, таким образом, «свершился суд Божий». Однако новая власть, несмотря на ожидания, оказалась значительно беспринципнее, грешнее и безнравственнее прежней, что епископ Андрей и признал уже в самом ближайшем будущем.

После февральско-мартовских событий 1917 г. епископ Андрей рассматривался в качестве наиболее предпочтительной кандидатуры на пост митрополита Петроградского, но, будучи сторонником выборности духовных лиц, отказался от этого назначения. Его заявления, проповеди и статьи производили небывалый фурор в российском обществе, хотя он не говорил и не писал в них практически ничего нового для себя. Единственным заметным «новшеством» явилось, пожалуй, то, что владыка впервые в полный голос заявил о возможности «воссоединения старообрядческой Церкви с православною». В апреле 1917 г., уже успевший прослыть «либералом», епископ Андрей был включён в новый состав так называемого «революционного» Святейшего Синода.

Но истолкованный многими в качестве «либерализма» духовный максимализм епископа Андрея начал вскоре преподносит представителям «нового строя» неожиданные «сюрпризы». Так, уже в августе 1917 г. владыка опубликовал «Открытое письмо министру-предс.[едателю] А. Ф. Керенскому», в котором после дежурного выражения уверенности в «глубоком патриотизме» последнего откровенно вопрошал: «А что делается сейчас в России? Во что обратилось наше отечество? Ведь это же ужасно! — но это факт: наша родина — это арена для всяких преступлений и насилий... — Грабят церкви, грабят монастыри, грабят богатых, грабят даже бедных, если у них имеется лишняя корова или лишняя коса... А потом прибавляют: «Благодари ещё Бога, что эта коса не прошла по твоей голове», а потом с награбленными косой, плугом, сапогами идут, не стесняясь и никого не стыдясь рядом в свою деревню — до следующего грабежа.

Это ли не расцвет русского социализма? Это ли не торжество демократии? Такой социализм дикарей скоро может выродиться в коммуны, от которой до людоедства останется только один шаг...

Ещё немного и всё оружие, находящееся в руках нашего «Христолюбивого» воинства, обратится только на самоистребление, когда «постановят» сначала истребить буржуев первой степени, а потом будут грабить тех буржуев, у которых только имеются лишние сапоги...» [15]. Владыка искренне убеждал А. Ф. Керенского: «Нужна власть! Нужна сильнейшая власть! Но эта власть должна быть в руках безукоризненно чистых и в ру-

ках людей, понимающих «религиозную психологию народа».

Он напомнил «министру-председателю» высказанную ему при недавней личной встрече в высшей степени прорицательную мысль о том, что «отделение церкви от государства не страшно для Церкви, но для государства страшно его собственное отделение от Церкви». Вспоминая переданную им А. Ф. Керенскому просьбу солдат «не уничтожать присяги и не вводить в солдатскую жизнь безрелигиозности», епископ Андрей отмечал, что «отделить русский народ от Церкви значит — создать разбойничью толпу из людей, которые ещё вчера были уверены в своей совестливости». «Православная Церковь, — писал он, — это царство человеческих совестей; отделить в России государство от Церкви — это значит отделить народ от его совести, лишить его жизнь всяких нравственных устоев. Это сейчас у нас и произошло: мы переживаем эпоху уродливого отделения государства от Церкви, т. е., всеобщего, преступного грабительского настроения с полным забвением всяких нравственных устоев... Грабят и прибавляют без всякой иронии: “Такова народная воля”...».

На проходившем в августе 1917 г. в Москве Государственном совещании епископ Андрей предложил создать беспартийное «министерство спасения отечества», обещая, что оно получит благословение Всероссийского Церковного Собора. Но осознав нежелание новых властей мыслить христианскими категориями, уже в сентябре 1917 г. он высказался за прекращение всяких контактов с государственными органами, обвинив их в проведении антицерковной политики. В октябре того же года епископ Андрей был выдвинут от Уфимской губернии кандидатом в члены Учредительного собрания. Одновременно с этим владыка ни на минуту не забывал и об общественной деятельности, организовав в Уфе приют для солдатских детей-сирот и выступив инициатором создания первого русского церковно-приходского кооператива «С заботой о бедняках», открытого 1 июля 1917 г.

События октября 1917 г. епископ Андрей первоначально расценил как заговор германского Генерального штаба и призывал бороться с немецко-еврейским заговором, орудием которого считал большевизм. Однако уже в январе 1918 г. он смягчил своё отношение к большевикам, выразив мнение, что это заблуждающиеся русские люди, которые ещё могут исправиться. Когда же стало очевидным, что большевики исправ-

ляться не собираются, и преследуя, по словам епископа Андрея, «хорошую цель», средством её достижения делают насилие, насаждая государственный деспотизм и богоборчество, он открыто встал к ним в оппозицию.

Дальнейшая судьба епископа Андрея в значительной степени известна: он прошёл трудный и достаточно извилистый путь на русскую Голгофу, закончившийся мученической смертью 4 сентября 1937 г. в ярославской тюрьме [16]. Исследователи жизни владыки по-разному оценивают послереволюционный период его деятельности, «рассаскивая» цельную натуру епископа Андрея на эпизоды, конфликты и цитаты. Но как бы то ни было, как бы неудобен оказывался владыка для того или иного «одноканального» восприятия отечественной истории, очевидным является то, что вся его жизнь являла собой подвиг во имя христианской любви, Святой Руси и многострадального русского народа. И уже самим этим подвигом он в полной мере искупил все те человеческие грехи, которые сам же постоянно признавал за собой и в которых каялся перед всем православным народом.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Учитывая, что наполненная до краёв не только подвижническими свершениями и духовными подвигами, но также неоднозначными и, на первый взгляд, даже про-

тиворечивыми поступками жизнь епископа Андрея не может ещё считаться в достаточной мере изученной и осмысленной во всей своей целостности, нет ничего удивительного в том, что взгляд на неё «из Казани» значительно отличается от взгляда «из Уфы» или, скажем, «из Джорданвилля» и, тем более, от взгляда «из катакомб». Отнюдь не в последнюю очередь это объясняется степенью доступности к основным массивам источников о том или ином её периоде. Одновременно не вызывает сомнений, что богатое духовное наследие епископа Андрея является одним из бесценных ключей не только к осмыслению прошлого, но и пониманию современного состояния православия, русского народа, его государственности, социально-политической и культурной жизни.

В связи с этим я обращаюсь ко всем, кому не безразличны богословские, общественные и миссионерские идеи епископа Андрея, по возможности глубже изучать его многочисленные проповеди, воззвания и статьи, открыто делясь на сей счёт своими соображениями и замечаниями с историками. Думаю, что только так — через конструктивную аргументированную дискуссию — мы сможем приблизиться к целостному пониманию этой неординарной личности и достойной её истинным масштабам оценке.

Примечания

1. Цит. по: Письма П. А. Столыпина С. М. Лукьянову / http://hronos.km.ru/libris/stolypin/stpn_luk.html.
2. См.: Фотогалерея / <http://www.kryashen.ru/index5.php?link=15>.
3. Во имя трёх небесных покровителей казанских – святителей Гурия, Варсонофия и Германа. — И. А.
4. Однажды епископ Андрей провёл между означенными народами прямую параллель, заявив, что «мы должны, по крайней мере, собрать около Церкви тех — и эллинов и иудеев, т.е. русских и инородцев, которые любят св. Церковь и готовы ей служить, но не умеют, как за это взяться». — И. А.
5. Цит. по: Зимина Н., Максимов К. Восточно-Русское Культурно-Просветительное Общество (забытые страницы нашей истории) // Библиотека периодической печати / Русская линия. — <http://www.rusk.ru/st.php?idar=103433>.
6. Имелся в виду тогдашний епископ Чистопольский, ректор КДА Алексей (А. Я. Дородницын). — И. А.
7. Цит. по: Письма П. А. Столыпина С. М. Лукьянову / http://hronos.km.ru/libris/stolypin/stpn_luk.html.
8. Ранее оно фигурировало в документах, как «Особое совещание для выяснения положения Поволжского Края в культурном отношении» при Министерстве внутренних дел. — И. А.
9. Причём, судя по всему, решился он на сие предприятие, что называется, «на свой страх и риск», устав ждать, когда понимание его необходимости созреет, наконец, в столицах. Недавно мною была обнаружена копия датированной 25 января 1909 г. записки действительного члена «Московского кружка дворян, верных присяге», уфимского дворянина Н. И. Бунина под названием «Несколько слов к мусульманскому вопросу в России», проливающей дополнительный свет на историю обсуждения в черносотенных «верхах» вопроса о создании право-монархических мусульманских организа-

ций. «Весной 1907 г., — писал в ней, в частности, Н. И. Бунин, — когда я был у Владимира Андреевича Грингмута, то изложил ему свои соображения о необходимости открывать союзы мусульман с народом русским, как на одно из средств борьбы с панмусульманством.

Влад. Андр. одобрил мой проект, принял докладную записку и на Московском съезде представителей монархических партий поручил профессору Владиславу Францевичу Залескому разобрать этот вопрос и составить устав союза мусульман с народом русским. Весной 1908 г. на Петербургском съезде представитель союза русского народа Влад. Франц. [Залеский] представил на рассмотрение съезда устав союза мусульман с народом русским, но съезд устав просмотреть отказался и нашёл сближение мусульман с народом русским излишним. Такое постановление по меньшей мере странно. Провинциальная жизнь выдвигает вопросы, успешное решение которых иногда зависит от быстроты их решения, а Петербург, далёкий от жизни, запросы провинциальной жизни признаёт излишними и обходит их молчанием.

Я буду считать себя счастливейшим человеком, если настоящий мой доклад возбудит в г.г. членах кружка дворян живой интерес к мусульманскому вопросу. Мы, люди русские, не должны забывать, что “зелёное знамя пророка” не жидовская красная тряпка. Мусульман в России около 40 миллионов, и если они поднимут зелёное знамя, то сумеют постоять за себя и свои интересы, и много русской крови прольётся тогда.... Но да не будет так». (Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 6. Д. 607. Л. 136 об.).

10. Данное прошение было отправлено в Казань 13 августа 1911 г. телеграммой из села Нырты (Завод Нырты) Мамадышского уезда, в котором с января 1907 г. функционировал отдел СРН. — *И. А.*

11. Речь идёт об «апостоле Абхазии» — епископе Имеретинском Гаврииле (в миру — Г. М. Кикодзе) (1825—1896). — *И. А.*

12. Цит. по: Путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому Округу с историко-этнографическим очерком. — <http://www.apsny.ge/cgi-bin/news/viewnews.cgi?id=20051016503089512013&style=print&tmpl=print>.

13. См., например: Зими́на Н. П. Епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) и деятельность Восточно-русского культурно-просветительного общества в г. Уфе (1916—1919 гг.) // Российское Объединение Исследователей Религии / <http://www.rusoir.ru/print/04/19/> ; Зими́на Н., Макси́мов К. Восточно-Русское Культурно-Просветительное Общество (Забывтые страницы нашей истории) /// Библиотека периодической печати // Русская линия / <http://www.rusk.ru/st.php?idar=103433>.

14. Амирханов Р. У. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток — Запад» (на примере развития русской культуры). — Казань: Тат. кн. изд-во, 2002. С. 77.

15. Цит. по: Открытое письмо министру-предс. А. Ф. Керенскому / <http://www.katakomb.ru/7/Kerenski.html>.

16. По другим сведениям, архиепископа Андрея выслали в Архангельскую область, где он и завершил свой жизненный путь в 1944 г. — *И. А.*

Сведения об авторе:

Алексеев Игорь Евгеньевич,

канд. ист. наук, главный советник отдела этнической политики Управления по вопросам внутренней политики Президента Республики Татарстан (Казань).

E-mail: alekse-igor@yandex.ru.

